

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ЭТЮДЫ

УДК 930:001.12

В.В. Бабашкин*

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЯ

В статье содержатся размышления о трудностях проникновения самого слова «крестьяноведение» в лексикон современных исследователей проблем аграрной истории России, обосновывается целесообразность такого проникновения. С этой целью предлагается вести речь о «персонализированном» крестьяноведении: крестьяноведение Д.И. Люкшина, крестьяноведение С.И. Толстова.

Ключевые слова: крестьяноведение; парадокс; апория; Д.И. Люкшин; С.И. Толстов; крестьянствование; крестьянский способ производства.

С моей точки зрения, главная из современных проблем крестьяноведения заключается в самом слове «крестьяноведение». Было время – в первой половине 1990-х гг., – когда мне казалось, что это слово и стоящая за ним академическая и научно-практическая реальность стремительно и триумфально ворвутся в отечественную историографию, весьма существенно меня целый ряд принципиальных оценок, связанных прежде всего с такими вещами, как крестьянская реформа 1861 г., столыпинское аграрное реформирование, коллективизация, хрущевская оптимизация... В жизни, как водится, все оказалось сложнее и интереснее.

Вспоминается, сколько энтузиазма вселили в меня первые заседания теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития» и публикация русского перевода сборника хресто-

* © Бабашкин Владимир Валентинович (vbabashkin@ranepa.ru), доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

матийных текстов по теории и истории крестьянства и традиционных крестьянских обществ [6], который был впервые издан на английском языке в 1971 г. [18] и к началу 90-х переиздавался восемь раз, будучи крайне востребован зарубежными коллегами — не в последнюю очередь под влиянием тех жестких вызовов, с которыми столкнулась внешняя политика Запада и его лидера США [см. об этом: 13, с. 48-49]. Ряд стран на мировой политической арене, в которых исторически сложились общества этого типа, повели себя вразрез с доктринальными установками безраздельно господствовавшей тогда в западном обществоведении (во многом это господство продолжается и поныне вопреки здравому смыслу) теории прогресса. Для осмысления этого требовался новый теоретический инструментарий.

Забавно, но это оказался такой инструментарий, который позволял рассматривать вторую из двух сверхдержав мира — только что рухнувший СССР — именно как общество, выходящее из традиционного состояния и сохраняющее целый ряд существенных параметров страны аграрно-крестьянской цивилизации [см.: 2]. На уровне официальной советской идеологии этот факт, естественно, не признавался, поскольку коммунистическая доктрина (вульгарный марксизм или так называемый «марксизм-ленинизм») в сущности мало чем отличалась от западного варианта теории прогресса, а крестьянство, община и т.п. представлялись чем-то таким, что составляет чуть ли не антоним общественному прогрессу. Отсюда и табу со стороны советского научного руководства на работу секции «Общинные организации крестьянства» в рамках Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы [см.: 13, с. 318-323]. Поэтому издатели русского перевода «Крестьян и крестьянских обществ» остроумно назвали хрестоматию «Великий незнакомец», прозрачно намекая на то обстоятельство, сколь много существовало в советской аграрной историографии рукотворных препятствий тому, чтобы поближе познакомиться с самой великой и судьбоносной реальностью: крестьянским вопросом и аграрными отношениями.

В этом-то издании и зафиксирована первая сильная попытка ввести в научный оборот слово «крестьяноведение»¹. Англоязыч-

¹ Первая формальная попытка относится еще к 1977 г., когда А.В. Гордон, выступивший, кстати, в качестве редактора по «Великому незнакомцу», опубликовал статью «Крестьянство Востока в западном крестьяноведении» — см. об этом: [7, с. 40].

ный аналог слова «крестьяноведение» — *Peasant Studies* — без проблем вошел в гуманитарную науку Запада, наверное, по двум причинам. Во-первых, тут нет нового словообразования, и данное словосочетание означает не более чем специальную область знания о крестьянах и крестьянских обществах. Во-вторых, эта междисциплинарная отрасль гуманитарной науки (полевые исследования, которые у западных ученых часто обозначаются как «антропология», философские и политэкономические обобщения и т.д.) применяется в основном к внешнему миру, к так называемым странам «третьего мира». В отношении себя западные гуманитарии стараются этого не применять — и не без основания. У нас иначе. Антропологию мы используем для исследования неандертальцев и т.п., в то время как прошлое и настоящее своего многонационального народа изучаем при помощи этнографии.

То, что русский перевод хрестоматии получил название «Великий незнакомец», один из основоположников западных *Peasant Studies* Т. Шанин в предисловии, озаглавленном «Крестьяноведение и Вы: к русскому изданию», объяснил так: «Ирония истории состоит еще и в том, что когда Запад открывал значимость крестьян и российского вклада в их понимание, сельское хозяйство самого Советского Союза все больше и больше отставало, а серьезного анализа причин этого упадка и рассмотрения возможности альтернативного развития тщательно избегали... Книга — это вызов и чрезмерным упрощениям, и идеализации крестьян, и “сбрасыванию их со счета” в современном мире... Она должна, наконец, помочь понять сельских жителей не только в качестве объектов политики и реформ, но и в качестве субъектов, способных проявлять инициативу, оказывать влияние и сопротивление, изменять политику государства...» [6, с. 23-24, 25].

В связи с упомянутым выше моим восторгом неопита начала 90-х гг. вспоминаю и такой факт. Читал лекции студентам и сотрудникам Российского государственного аграрного заочного университета (тогда — Всесоюзный сельскохозяйственный институт заочного образования, ВСХИЗО), с горящими глазами разясняя крестьяноведческую логику краха столыпинской реформы, прихода к власти большевиков, срыва нэпа в коллективизацию и т.д. Размахивал при этом зеленой обложкой «Великого незнакомца», десять экземпляров которого передал институтской библиотеке. Спустя какое-то время заведующая библиотекой, настоящий энтузиаст своего дела Татьяна Константиновна Барыба, которую мне,

кажется, удалось как-то увлечь этой своей идеологией, с грустью сообщила мне: знаю, мол, в Москве библиотечный коллектор, где лежит ваш «Незнакомец» по сто рублей (тогда – совершенно символические деньги), и никто не берет, никому не нужно.

Да, вместо ожидавшегося мною триумфального штурма крестьяноведением теоретических твердынь, «дискурсивных формаций» тех гуманитарных дисциплин, на вторжение в которые оно претендует как междисциплинарное знание, с его стороны последовала длительная и упорная осада. Но, повторюсь, так даже интереснее. В качестве осадных орудий выступали и выступают материалы теоретического семинара «Современные концепции аграрного развития», организованного В.П. Даниловым и Т. Шаниным в 90-е гг., научное издание «Крестьяноведение», выходящее с 1996 г. (с 2016 г. – ежеквартально), и кое-что еще, о чем будет сказано ниже. В сентябре 2018 г. я выступал на пленарном заседании Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы с докладом о методологическом значении крестьяноведения для аграрно-исторических исследований. Многие из «осаждаемых» коллег историков-аграрников в кулуарах симпозиума отбивались: нам-то все это зачем? А автор интересных монографий о российской аграрной интеллигенции и (по его собственному выражению) о «псевдокрестьянских» организациях [8, с. 92] А.А. Куреньшев даже вплел этот вопрос в свое выступление на заседании секции, предельно заострив его полемически: дескать, шарлатанство это все. Парадокс в том, что в ноябре 2019 г. во время презентации русского перевода книги Т. Шанина «Неудобный класс» [17] Куреньшев дал настоящий бой М.А. Давыдову по одному из ключевых вопросов нашей истории – столыпинской аграрной реформе, занимая при этом самые что ни на есть крестьяноведческие позиции. Мне неоднократно приходилось писать, что крестьяноведение и парадокс – почти синонимы, как парадоксален главный объект/субъект этой науки. Об этом, кстати, и шанинский «Неудобный класс», ставший после публикации в 1971 г. одним из мощных блоков в фундаменте западных *Peasant Studies*.

Однако осада продолжается, и я как заинтересованный наблюдатель все чаще ловлю себя на мысли, что испытываю эмоции, схожие с радостью болельщика, чья команда забила гол, когда вижу, как очередной перебежчик выходит за бастионы парадигм и дискурсов своей науки и присоединяется к отрядам осаждающих. По моим наблюдениям, иногда – и не так уж редко – такое проис-

ходит как бы незаметно для самого этого нового бойца, который либо избегает использования слова «крестьяноведение» в своем научном лексиконе, либо не испытывает в этом особой потребности. Таково крестьяноведение Янни Коцониса из Нью-Йоркского университета или Джудит Пэллот из Оксфорда. Легко могу назвать в этом ряду многих авторов выдающихся русскоязычных исследований. Но когда я год назад писал о «крестьяноведении В.П. Данилова», а также о таковом О.В. Усольцевой и В.Г. Виноградского [1], я вел речь о людях, которые пользуются этим словом вполне сознательно с целью активировать стоящий за ним аналитический инструментарий применительно к своему монографическому исследованию. Приведу ниже еще два подобных же примера, в фокусе которых люди, близкие мне отнюдь не только потому, что они вполне сознательно употребляют это слово.

Крестьяноведение Люкшина. Казанский историк Дмитрий Иванович Люкшин в начале нулевых задается тем же вопросом: почему понятия и концепции крестьяноведения с таким скрипом входят в арсенал историков-аграрников, часто сталкиваясь с отторжением на личном уровне [11]? В своей первой монографии он посвящает этому целый параграф, озаглавив его «Отечественное крестьяноведение: история несостоявшегося дискурса» [9, с. 30-46]. Я терпеть не могу трескучее слово «дискурс», которое наши гуманитарии как раз в то время бездумно заимствовали у западных коллег², очевидно полагая, что чем чаще они его используют, тем больше то, что они говорят и пишут, выглядит как настоящая наука.

Хорошо, что «дискурс» не состоялся, поскольку крестьяноведение междисциплинарно, и его объект — крестьянство — не влезает в рамки ни одной из общественных дисциплин, которые ревностно блюдут свои границы как раз при помощи собственных «дискурсов». Крестьяноведение может сделать эти границы более прозрачными. Д.И. Люкшин, формулируя концепцию своей монографии, утверждал, что «последовательное применение... методик крестьяноведческого анализа... при разрешении частных и ключевых проблем отечественной истории позволяет получить неожиданные и любопытные исследовательские результаты. В частности, автор

² Замечательный американский историк, специалист по аграрным отношениям в России в пореформенное время Д. Филд с издевкой отзывался об этом словоупотреблении в англоязычном обществоведении [13, с. 484, 492].

использовал их при объяснении причин резкого всплеска аграрных беспорядков в России в 1917 году. В результате хронологическая картина “общинной революции” 1917 года в российской провинции оказалась простой, логичной и непротиворечивой» [9, с. 32-33].

Для меня лично самыми блестящими образцами крестьяно-ведческого анализа продолжают оставаться «Письма из деревни» А.Н. Энгельгардта и ряд текстов Н.Н. Златовратского, включая незаслуженно забытый гениальный роман «Устой». Отмечу, что все это было опубликовано на «великом и могучем» задолго до того, как кто-то стал употреблять слово «крестьяноведение» (не говоря уже о безумии «дискурсов»), и за десятилетия до появления той исторической реальности, о которой Люкшин пишет как об «общинной революции» и которую нельзя осмысливать, не принимая во внимание произведений великих предтеч современного крестьяноведения. Это я к тому, что для успешного существования крестьяноведения словаря русского языка вполне достаточно. В своей последней монографии Люкшин обнаруживает понимание этого. В подтверждение приведу лишь маленькую цитату, хотя практически весь непростой текст книги написан вполне вразумительно: «Натиск на хуторян и отрубников был характерен для всей Европейской России, но с особой силой стремление выкорчевать столыпинские “саженцы” проявилось в Самарской, Уфимской, Саратовской, Казанской и Симбирской губерниях, то есть в регионах, где община была традиционно сильна» [10, с. 129].

На мой вопрос, как он видит крестьяноведение в себе и себя в крестьяноведении, Д.И. Люкшин ответил буквально следующее: «Наша с В.М. Бухараевым версия крестьяноведения родилась в процессе преодоления методологической апории, обусловленной невозможностью идентифицировать социальные сценарии 1917 года в рамках позитивного дискурса. Проще говоря, в начале 90-х гг. прошлого века обнаружилось, что описанный в фундаментальных советских трудах по истории российских революций механизм крестьянского сопротивления не то, чтобы не работал, а — прямо скажем — никогда не существовал. Поэтому brutальная дихотомия: революция классов или революция масс, задававшая исследовательский тонус дискуссиям 70—80-х гг., оказалась — с онтологической точки зрения — схоластическим диспутом, участникам кото-

рого в равной степени не удавалось ухватить содержание означаемого феномена, т.е. вскрыть интенции и содержание общинных интеракций эпохи Второй русской смуты.

Свет в конце тоннеля зажгли тексты “Великого незнакомца” и сформулированный А.Л. Яновым концепт Второй русской смуты, к середине девяностых добравшийся и до отечественного читателя³. Синтез этих дискурсов позволил создать концепт “общинной революции” [5; 4], в рамках которого практически все действия крестьян-общинников в начале XX в. обрели не только ясный смысл, но и четкий сценарий. И вот ведь какая штука выяснилась: беспощадный русский бунт под определение антисистемного выступления никак не подходит — ну не выдвигали мужички антигосударственных проектов, не помышляли о смене политического строя и социальных переворотах.

Причем при любой власти. Стоило новым хозяевам страны обосноваться в столичных кабинетах, как крестьянство тут же готово было предоставить в их распоряжение свои ресурсы. Впрочем, именно эта феноменальная лояльность, граничащая с конформизмом, на деле оказалась залогом жизнеспособности общинного социума, а изучение ее форм позволило опознать крестьянский мир в качестве не периферийной страты, а ключевого социогенерирующего элемента. Соответственно, моральная экономика крестьянства исторически сыграла роль матрицы, вокруг которой происходило формирование государственных институций Руси и России, каковые, по мужичьему разумению, навредить общине никак не могли, ибо они — одной с нею крови. Если взглянуть на сценарий Семнадцатого года с этой (общинной) колокольни, то выходит, что крестьянство вовсе не собиралось выступать против властей, а, напротив, играло роль генератора социальных связей, цементирующих социальные структуры, выведенные из состояния гомеостаза самоубийственными эскападами военной элиты и ребяческими выходками аристократов».

Крестьяноведение Толстова. Сергей Иванович Толстов из Томска — один из самых ярких и интересных людей, с которыми мне довелось в жизни познакомиться. Профессиональный историк,

³ Почему-то деникинские «Очерки русской смуты» не были опознаны в качестве концепта — вероятно, все же учителя приходят, когда ученики уже готовы...

практически профессиональный политик⁴, общественный деятель, бизнесмен со своей историей побед и поражений на поприще организации малого и среднего бизнеса, страстный патриот малой родины — деревни Больше-Жирово Асиновского района Томской области, по истории которой опубликовал несколько исследований [см., напр.: 15]. Его стараниями на территории области поставлено несколько памятников, один из них — памятный камень в честь основателей его родной деревни казаков Жировых. До семнадцатилетнего возраста жил в деревне, в многолетней крестьянской семье, помогал отцу — трактористу совхоза им. Кирова (до 1970 г. — одноименного колхоза). То есть одну из главных содержательных линий отечественной истории — алгоритмы взаимодействия колхозно-совхозного производства и личного хозяйства советских крестьян — он знал не понаслышке; и позже, получая историческое образование и видя, как советская аграрная историография трактует природу общественного хозяйства колхозов и совхозов и ЛПХ сельских жителей, он не мог отделаться от известного недоумения.

Окончив истфак и аспирантуру Томского университета, Толстов готовит к защите диссертацию на тему «Крестьянское хозяйство алтайской приписной деревни в 20—50-е гг. XIX в.», и вот тут-то перед ним во весь рост встает не праздный вопрос: какой методологический подход следует положить в основу исследования? Интуитивно он знал, что в острейших спорах историков новосибирской и томской школ (когда «дело доходило чуть ли не до личной вражды» [14, с. 89]) обеими сторонами упускается что-то очень важное. В своем выступлении на презентации книги «Современное крестьяноведение» он вспоминал, насколько кстати в той ситуации пришелся ему тот познавательный инструментарий, что содержится в стенограммах даниловско-шанинского теоретического семинара 90-х гг.: «Реализуя крестьяноведческие методологические установки на изучение крестьянского хозяйства как такового, я сделал умозаключение: в предреформенные годы в алтайской приписной деревне имела место эволюция крестьянского хозяй-

⁴ В качестве политика он, в частности, занимается разработкой политической идеологии, которой, я убежден, предстоит стать общенациональной государственной идеологией российского народа, когда бесславная конституционная статья о нецелесообразности таковой уйдет в прошлое.

ства под влиянием коммерциализации, а не становления капиталистических отношений. Крестьянин реализовывался в своей имманентной природе как хозяйствующий в рыночных условиях социальный тип, он с выгодой для себя пользовался возможностями избежать издержек добывания “живых” денег» [14, с. 89].

Читающему эти строки придется, наверное, какое-то время вдумываться в такую постановку вопроса. Но, если вдуматься, проникнуться, понять, трудно избежать соблазна применения этого умозаключения к анализу эволюции крестьянского хозяйства и по другим категориям сельского населения — как в до-, так и в пореформенное время. Более того, это, по убеждению Толстова, работает и в советский период нашей деревенской истории. Поэтому, в отличие от Д.И. Люкшина, он концентрируется не столько на революции — пусть даже и «общинной революции», — сколько на преемственности, связи времен и эпох в нашей истории. «Колхозный строй, — утверждает он, — поставив барьер перерастанию интегрированного в общественное производство личного подсобного хозяйства в капиталистическое, задействовал мотивацию демографически обусловленных потребностей на базе семейно-трудовых приоритетов в предвоенные и военные годы, а также позволил раскрыться природе предприимчивости в относительно благополучные 1950-е годы, когда крестьяне по максимуму реализовались в самоэксплуатации. Вызывает сожаление, что вариант исторического развития, при котором такая производственная единица, как “колхоз-деревня”, могла вписаться добросовестным трудом в модернизацию страны, если бы ею управляли, не нарушая коренных крестьянских интересов, был сломлен тем, что я называю национализацией колхозов» [14, с. 90]⁵.

С.И. Толстову удалось опубликовать несколько более подробное и аргументированное обоснование этой своей «альтернативной истории» [3]. Но он прав: тема эта, хоть и страшно интересная, однако очень «щепетильная» [14, с. 90] и еще ждет своего самоотверженного и заинтересованного исследователя. Сам же Сергей Иванович на сегодняшний день занят чрезвычайно важным общественным делом, которое забирает всю его незаурядную энергию без

⁵ А.Д. Билимович называл хрущёвское укрупнение и оптимизацию «второй коллективизацией», улавливая, я убежден, приблизительно ту же суть [12, с. 242-244].

остатка⁶. Может быть, кто-то из его будущих аспирантов возьмется — я уверен, что в России ближайшего будущего такая тема для историка покажется научному сообществу вполне диссертабельной.

Библиографический список

1. Бабашкин В.В. Крестьяноведение как теоретико-методологический подход в области аграрной истории // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. М., Брянск: РИО БГУ, 2018. С. 162-174.

2. Бабашкин В.В. Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3. С. 99-110.

3. Бабашкин В.В., Толстов С.И. Особенности аграрного реформирования 1930–1950-х годов // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 216-234.

4. Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Крестьяне России в 1917 году. Пиррова победа «общинной революции» // 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1998. С.131-142.

5. Бухараев В.М., Люкшин Д.И. Российская смута начала XX века как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2. Историография отечественной истории. Казань: Изд-во КГУ, 1994. С.154-157.

6. Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ. / Сост.: Т. Шанина; под ред. А.В. Гордона. М.: «Прогресс-Академия», 1992. 432 с.

7. Гордон А.В., Никулин А.М. От «человека общины» я вышел к хозяйствующему на земле субъекту, «хозяину-труженику» // Крестьяноведение. 2017. Т. 2. № 2. С. 33-52.

8. Куреньшев А.А. Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. 1922 – 1950-е гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 238 с.

9. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. 144 с.

10. Люкшин Д.И. Коммунары поневоле: общинная революция в драматургии Второй русской смуты. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2017. 214 с.

11. Люкшин Д.И. Крестьяноведение в исследовательском поле аграрной истории // Исторические исследования в России – II. Семь лет спустя / под ред. Г. Бордюгова. М.: АИРО-XX, 2003. С. 268-281.

⁶ Хотя не далее как в 2017 г. ему в очередной раз удалось реализоваться как историку-аграрнику, специалисту-крестьяноведе: он опубликовал результаты своего полевого исследования в селах Асиновского района и в этой публикации широко оперирует такими понятиями, как «крестьянствование» и «крестьянский способ производства» [16].

12. Никулин А.М. Аграрники, власть и село: от прошлого к настоящему. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 400 с.
13. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с.
14. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке. Круглый стол // Крестьяноведение. 2016. Т. 1. № 1. С. 68-92.
15. Толстов С.И. Крестьянская идентичность в колхозно-совхозной деревне Сибири // Вторая Россия: дифференциация и самоорганизация: сборник статей под общ. ред. А.М. Никулина. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2012. С. 44-63.
16. Толстов С.И. Крестьянство как самовывживание и самовыражение в современном сибирском селе // Исторический курьер. 2019. № 5 (7). С. 63-71. URL: <http://istkurier.ru/data/2019/ISTKURIER-2019-5-05-pdf>
17. Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910-1925. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019. 408 с.
18. Peasants and peasant societies: Sel. readings / Ed. by Teodor Shanin. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. 448 p.

УДК 8Р2(092)

С.В. Любичанковский*

**ИСТОРИЯ НЕИЗДАННОЙ КНИГИ: ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ
КОММУНИКАЦИЯ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ 1960-1980-Х ГГ.
НА ПРИМЕРЕ СОВМЕСТНОГО ИЗДАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА
В.А. ДЬЯКОВА И Л.Н. БОЛЬШАКОВА**

В статье реконструирована история неудачного издательского проекта советских ученых В.А. Дьякова и Л.Н. Большакова, относящаяся к периоду 1960–1980-х гг. На ее основе обозначены особенности издательского процесса поздней советской эпохи и особенности повседневной профессиональной коммуникации ученых тех лет.

Ключевые слова: Л.Н. Большаков; В.А. Дьяков; профессиональная коммуникация; издательский процесс; история повседневности.

* © Любичанковский Сергей Валентинович (svlubich@yandex.ru), доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории России, Оренбургский государственный педагогический университет.